

ВОПРОСЫ МЕТОДОЛОГИИ

УДК 39(075)

© *И.Ю. Заринов*

В КОТОРЫЙ РАЗ О ПРЕДМЕРЕ ЭТНОГРАФИИ/ЭТНОЛОГИИ/ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ АНТРОПОЛОГИИ

В статье в очередной раз исследуется проблемы науки, которая в течение всей своей истории меняла не только название, но и теоретико-методологический базис. Ее предмет и феноменология ее исследований до сих пор находятся в центре дискуссий различных школ и направлений.

Ключевые слова: *этническое, этнос, этничность, диаспора, социум, культура, история, философия, социология, психология, теология, политика, этнософия.*

Дал себе зарок не писать больше о феномене этнического, о его природе и механизмах проявления в социуме. Но вот участие в конференции «Социальное и этническое: формы взаимодействия и конфликты» (Санкт-Петербург, 24–26 февраля 2016 г.) побудило меня вновь предпринять очередную попытку осознать уже наработанный опыт в постижении и объяснении этого сложнейшего явления в практике человеческого общественного бытия. На конференции я выступил с докладом, посвященным этнополитическому контексту в диаспоре. В нем, на материалах польских диаспор была затронута и тема, связанная с предметом этнографии/этнологии/социально-культурной антропологии.

В докладе прозвучала мысль о том, что диаспора во всех своих проявлениях (этнокультурном, социальном) является хорошим опытным материалом для исследования сложной природы этнического в социуме. И именно этот материал хорошо иллюстрирует невероятную сложность этнического феномена.

Заранее прошу извинить за нижеследующий трюизм в изложении всем уже хорошо известных истин, но пафос данной работы и некоторые ее теоретические выкладки требуют этого. В этно-антропологической науке существуют три основных модели объяснения природы этнического.

Первая модель базируется на исторической изначальности этнического феномена, признавая его онтологической сущностью социума. Обычно эту модель связывают с таким теоретико-методологическим направлением как примордиализм, который более всего приписывают советской теории этноса. Однако тесная связь теории этноса с примордиализмом, как это видится теперь, произошла в результате противопоставления этой теории концепции этничности и ее критики с позиций постмодернизма. Последовательными адептами примордиализма традиционно считаются: у нас С.М. Широкогоров, Л.Н. Гумилев и Ю.В. Бромлей. Однако, по мнению С.В. Чешко, все в примордиализме не так просто, и все эти три фамилии, имея отношение к тео-

Заринов Игорь Юрьевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН. Эл. почта: izarinov@yandex.ru.

рии этноса, вовсе не одинаково понимают эту категорию, соответственно и примордиалистами они были разными¹, а Ю.В. Бромлея он вообще считает неправильным относить к примордиалистам.

Вторая модель основывается на том утверждении, что этническое – это некая социальная идея, которая существует в виде конструкта, возникающем в ходе изучения культурных ориентиров и предпочтений индивида. Иными словами, «человек этнический» и этническая общность – это скорее воображаемая конструкция, чем реально существующая социальная единица. Отстаивающие эту точку зрения известны как конструктивисты, большинство представителей которых проповедуют концепцию этничности. Вездесущая Википедия пишет, что «... среди разработчиков данного направления выделяют Б. Андерсона, Бурдьё, Э. Геллнера, Э. Хобсбаума».

Третья модель появилась среди ученых, пытающихся сблизить первую и вторую модель; они во главу угла ставят объективный процесс культурной самоидентификации индивида в контексте его существования в социуме. В этом процессе важную роль играют различные способы социального приспособления и мотивации. Так понимают феномен этнического исследователи, объединенные под знаменем *инструментализма*. Та же Википедия называет таких его представителей, как Г.Р. Кирхгоф, Г. Герц, П.У. Бриджмен, А.С. Эддингтон.

Попытки дивергенции этих трех основных теоретических моделей не привели к осязаемым результатам. Представители каждой из них только за собой признают правоту в объяснении природы этнического феномена. Правда, в последние несколько десятилетий те ученые, которые не являются приверженцами концепции этничности, сам термин «этничность» признают и используют в своей научной практике, но почти у всех у них он наполняется разными значениями². Конструктивисты же и инструменталисты в понятии и соответственно в термине «этнос» никак не хотят видеть какого-либо реального содержания и полностью исключают его из своих теоретико-методологических исследований³.

Каждая из вышеуказанных моделей – это определенный угол зрения и закономерный этап в изучении и постижении этнического феномена. И их эксклюзивность – есть результат реального состояния историко-культурного развития тех обществ, в которых создавались эти взгляды (модели, теории, концепции и т.д.).

Отечественная теория этноса выстроена на основе марксистско-ленинской методологии и на принципах историзма. В ней делается акцент на культурную группу (этнос). Западная концепция этничности создана в условиях доминирования философии социальной атомизации личности, поэтому в ней превалирует культурный индивид (этничность).

Однако, как я уже отмечал ранее, и в примордиализме, и в функционализме «... существует ряд противоречивых постулатов, позволяющих усомниться в прочности фундамента всей системы наших знаний о феномене, существующем в жизни людей в качестве обыденной реальности» (Заринов 1997: 21). Будучи ранее сторонником синтеза основных постулатов теории этноса и концепции этничности⁴, я в настоящее время склоняюсь к тому, что постижение природы этнического требует некой иной парадигмы, находящейся за пределами этих теоретических моделей. Это, скажем, было бы под силу научному синтезу исторического, социологического, философского, психологического, политического, антропологического, и даже теологического взглядов на данную проблему. Отсюда вытекает, что задача в познании

сложнейшего социокультурного феномена⁵, коим является феномен этнический, состоит в том, чтобы разработать теорию о едином целом, которая бы опиралась на все многообразие человеческого социального опыта и тех наук, которые возникли из него. А этого нет ни в одном из существующих взглядов на этот феномен.

Примордиализм, и на это указывает сам термин, основывается на исторической изначальности этнического феномена. Но этнос существовал не всегда, а возник в результате этногенеза, основным содержанием которого является трансформация родоплеменных отношений в отношения, в которых стали преобладать связи, основанные уже не на родстве, а на сходстве (свой) и различии (чужой) культурно-языковых признаков. В этой связи кажется странным, что западные примордиалисты, признавая бесконечность этничности, проблемами этногенеза не занимались. А ведь именно процесс этногенеза говорит о том, что существовал доэтнический период в развитии человеческого общества, в недрах которого рождалась этническая субстанция, которую ученые ищут и никак не могут ее сформулировать. Впрочем, западные социально-культурные антропологи ее не ищут, поскольку это выходит за рамки их понимания этничности. А ведь без первоосновы (субстанции) нет ничего, что нас окружает в нашей жизни, и, следовательно, без нее невозможно определить сущность любого явления. Это в полной мере относится и к этническому феномену, субстанция которого, как это было сказано выше, выкристаллизовывалась в процессе этногенеза в течение долгого времени. Кое-где он протекает и ныне. Именно поэтому очень трудно найти критерий определения и разделения этногенеза и этнической истории. Оба эти процесса взаимозависимы и взаимообусловлены.

В результате этногенеза и этнической истории появляется новый инструмент адаптации представителей социума к окружающей действительности. Другими словами, в это время возникает новая технология взаимодействия людей между собой и с окружающим миром. Об этом я писал уже в первой моей статье (*Заринов* 1997: 3–30) под названием «Исторические рамки феномена этничности (по поводу статьи С.В. Чешко “Человек и этничность”»)⁶.

Думаю, что для лучшего понимания смысла и пафоса данной работы, было бы не лишним вспомнить некоторые положения, изложенные в той моей статье двадцатилетней давности. Именно из них, как из хорошего зерна, произрастали мои дальнейшие поиски в области теории и методологии этнографии/этнологии/социально-культурной антропологии. Как видно из подзаголовка той статьи, заключенного в скобки, ее основным концептом являлась полемика со статьей С.В. Чешко «Человек и этничность» (*Чешко* 1994: 35–49). На то время в критике теории этноса, закономерно возникшей в связи с изменением идеологической основы (марксизма-ленинизма) в отечественных социальных науках, рассуждения ее автора относительно этнического феномена представляли собой в определенном смысле новое слово. Однако некоторые ее положения, по моему мнению, требовали некоторого дополнения и уточнения, что я и постарался сделать в той своей статье.

С.В. Чешко тогда сетовал, что этнологическая наука, включая ее современное состояние под названием «социально-культурная антропология», никак не может дать ответ, что же такое «этническое» в человеческом обществе и в отдельных его представителях, то есть, что собой представляет субстанция этого феномена? Моя статья была как раз попыткой ответить на этот вопрос. Собственно, ответ уже содержался в ее названии – «Исторические рамки феномена этничности». Главный мой посыл

состоял в том, что, как уже было сказано выше, в истории человечества существовал доэтнический период. И главным его содержанием были кровнородственные, а не культурно-исторические связи. Повторюсь, в процессе долгой исторической трансформации первых во вторые и рождалась искомая этническая субстанция. На практике в исторической перспективе она стала проявляться в различных ипостасях: от историко-культурной общности людей (этнос) до выбора отдельным человеком своей принадлежности к определенной социальной группе (этничность)⁷.

Далее, полемизируя с Чешко, я говорил, что «... этничность охватывает определенный период человеческой истории, где ее, как и многие другие стороны нашего бытия, невозможно выделить из общего социального контекста, так как она является одной из составляющих социума. Появилось этническое в результате распада родоплеменных отношений и получило тенденцию к исчезновению в гражданском обществе буржуазного типа. Однако нынешняя элиминация этнического из социума – процесс весьма сложный и длительный. В нем противопоставление «человека социального и этнического», как это делает С.В. Чешко, не имеет сколько-нибудь принципиального характера, потому что тот и другой еще долгое время будут взаимозависимыми, взаимообусловленными и, таким образом, неотделимыми друг от друга» (Заринов 1997: 28).

В этой связи, я частично соглашался с тезисом С.В. Чешко, что этничность является «... своего рода доопытным и, более того, внеопытным принципом организации человечества, дополняющим другие принципы, основывающиеся на причинно-следственных связях, материальных факторах, рациональном объяснении и целевых установках... Этничность нельзя ни создать, ни разрушить искусственно» (Чешко 1994: 37). Согласившись с Чешко и в том, что «этничность как некая социальная материя, конечно, лежит за пределами человеческого опыта» (Заринов 1997: 29), я говорил, что «... это вовсе не значит, что этнический принцип организации людей находится вне причинно-следственных связей и не имеет в своей основе материальных факторов, рационального объяснения и целевых установок. Другое дело, что все перечисленное проявляется в этничности не прямо, а опосредованно, через предпочтение людьми других (неэтнических) социальных связей» (Там же). Этничность в этом смысле, отмечал я тогда, «... является своеобразным “социальным окном” в мир и не иллюзорной, по мнению С.В. Чешко, а реальной интегрированной совокупностью всех социальных связей между людьми» (Там же). Не бесспорным, я признавал тогда, и вывод С.В. Чешко о «беспредметности» и неуловимости этничности в системе причинно-следственных связей и одновременной ее вездесущности, что якобы является почвой для идеологического конструирования квазиэтничности. И не только потому, что, по мнению С.В. Чешко, «... политические или экономические структуры, создаваемые на базе этничности, на самом деле выражают, так сказать, вторичную этничность, которая отличается от настоящей этничности преобладанием рационально-идеологического начала, целеполаганием, жесткой привязкой к непосредственной деятельности» (Там же). Спорность данного тезиса, по моему мнению, носит методологический характер, т.е. признания или непризнания за этничностью статуса исторической реальности. Ведь «... конструирование квазиэтничности было бы просто невозможно без наличия этой реальности, в которой естественным образом сочетаются рациональное и иррациональное начала» (Там же).

Из всего сказанного выше видно, что я уже двадцать лет тому назад выдвигал идею возникновения и существования этнической субстанции в определенных исторических рамках, нижней границей которых является появление «этнического тела» (этнической общности), верхней границей – разрушение этого «тела» в процессе деэтнизации постиндустриальных обществ. Однако сформулировать, что такое этническая субстанция я не смог, так как пробовал найти теоретическую модель на основе синтеза взглядов примордиалистов и функционалистов. По прошествии двадцати лет мне стало ясно, что это невозможно, да и не нужно, так как первые абсолютизируют имманентность этноса, а вторые, не признавая его в качестве объективной реальности, абсолютизируют абсолютность этнического человека. А абсолютизировать ничего не нужно. Нужно только понимать, что этническая субстанция существует реально и закодирована в истории народа, его культуре, языке, этническом самосознании, этнониме (эндоэтноним и экзоэтноним) или выступает как конструктивная величина в так называемой этнической идентичности, постоянно изменяемой под влиянием ситуаций различного характера – культурной, экономической, политической и других. В рабочем варианте этническая субстанция может быть сформулирована следующим образом: *она есть некий историко-культурный код определенной группы людей, возникший в результате трансформации родоплеменных отношений (потестарные по своей сущности) в отношения классовые (политические по своей сущности).*

Если исходить из приведенного выше определения этнической субстанции, то онтологические и функциональные противоречия в понимании сущности этнического перестают существовать. Соответственно – примордиализм и инструментализм суть лишь разные углы зрения на этнический феномен с их плюсами и минусами, но никак не концепции, ведущие к раскрытию его истинной природы.

В первую очередь, создавая ключ к пониманию этнического феномена, нельзя пренебрегать историческим временем, то есть фиксацией выверенных и хорошо изученных фактов истории происхождения и развития того или иного народа, избегая интерпретаций, откровенно подчиненных политической конъюнктуре⁸. То есть самым объективным образом необходимо проследить исторический путь, пройденный той или иной этнической единицей. А именно – изучить известные из истории этой единицы данные археологии, этнографии, фольклора, письменных источников. Необходимо, чтобы это изучение проводилось комплексно, ибо в противном случае исторический путь народа (этноса), и без того запятанный в толще веков, будет односторонним и необъективным. Наиболее важным историческим этапом в этом изучении, конечно, является этап происхождения (этногенез) того или иного народа, ибо начало, по мнению Б.Ф. Поршнева, есть отправная точка в понимании сути человеческой истории вообще и ее отдельных объектов, в частности (Поршнев 1972: 3).

Итак, основополагающей составляющей в понимании этнического феномена является, прежде всего, история, изучаемая различными научными дисциплинами (археология, этнография, источниковедение и т.д.). К этому следует присовокупить и историческую лингвистику. В данном случае речь идет о самом понятии «народ». Попробуем это сделать в русском, немецком, английском, французском и итальянском языках – основных языках Европы. Этимология слова «народ» в русском языке лежит на поверхности. А именно, народ – это группа людей, имеющих отношение к одному роду, но уже не род, а нечто другое, коль впереди корня «род» стоит части-

ца «на». То есть народ – это общность, стоящая уже над родом. Значит, в русской этимологии слово «народ» вполне проистекает из того, что народ–этнос возникает в результате какого-то процесса, которым, собственно и является этногенез. Из этимологии немецких *volk* и *leute* и английского *people* прямо вывести истоки родственности, как из русского *народ*, труднее, но косвенно эти слова характеризуют социальные образования, имеющие отношение к общности, основанной на родстве. Например, в немецких *volk* и *leute* и английском *people* встречаются – двух первых *stamm*, а во втором *tribe*, что там и там обозначает *племя*. Этимологически французское *gand*, как и итальянские *massa* и *popolo* тоже не лишены оттенка родственности. В этимологическом ряду и первого, и вторых тоже существует понятие «род–племя».

В общем, понятие, которое обозначается русским словом «народ», и в других европейских языках имеет приблизительно одну и ту же этимологическую коннотацию. А именно – это такое сообщество людей, которое является продолжением родоплеменной организации⁹, но в котором в результате ее длительной трансформации формируется иной механизм взаимоотношения людей внутри отдельной социальной единицы и за ее пределами. Этот механизм разные исследователи называют по-разному: Ю.В. Бромлей – «этникосом» (*Бромлей* 1973), Арутюнов – «сгустками коммуникационных, информационных связей» (<http://mybiblioteka.su/>), С.В. Чешко – «доопытным и, более того, внеопытным принципом организации человечества, дополняющим другие принципы, основывающиеся на причинно-следственных связях» (*Чешко* 1994: 37), В.А. Тишков – «социальной организацией культурных различий» (<http://www.valerytishkov.ru/>). В сущности, все вышеприведенные определения этого механизма есть попытки вычленив из социума так называемую «этническую субстанцию» или «этническое», как таковое, которое, как писал С.В. Чешко в своей вышеупомянутой статье, «может проявляться повсюду, влиять на любые сферы жизни и деятельности человека, и в то же время его нигде нет» (*Чешко* 1994: 39).

Во всех вышеприведенных определениях поиск сути этнического в социуме (это, в сущности, и есть искомая этническая субстанция) ведется в пределах двух во многом противоположных категорий «этнос–этничность». Однако повторяюсь, находится эта суть, скорее всего, за пределами этой теоретической дихотомии.

Из сказанного выше очевидно, что элиминация из этнических исследований исторической составляющей влечет за собой одностороннее и исключительно социологизированное понимание этнического феномена. Именно этот изъян не хотят или не могут в силу сложившейся у них традиции признать в своих взглядах западные специалисты, затрагивающие этническую проблематику. Этнография/антропология в их исследованиях являются скорее фоном, о чем говорит название науки, представителями которой они являются: социально-культурная антропология, возникшая на базе британской социальной и американской культурной антропологии.

Не менее важной, чем историческая, для этнического феномена является социологическая составляющая, которая помогает нам проникнуть в глубинные процессы, происходящие внутри и вовне этнической общности. Процессы внутри этнической общности обнаруживают, что этническая субстанция (бромлеевский «этникос») растворена во всех других проявлениях социума (бромлеевский «этносоциальный организм»). Процессы, происходящие за пределами этнической общности, показывают ее исторически сложившиеся отношения с другими ей подобными. Здесь надо сказать, что превалирование исторической составляющей в понимании этнического

феномена без учета его социологического фона также непродуктивно. Именно поэтому историческая этнография, которая долгое время господствовала среди отечественных специалистов, в конце 1960-х годов обогатилась исследованиями социологического толка. В институте этнографии АН СССР появился и заработал на всю мощь сектор этносоциологии под руководством Ю.В. Арутюняна. Возникла новая научная дисциплина в рамках этнографии – этносоциология. Во многом именно она вывела этнографию на позиции, позволившие ей назвать себя «этнологией», а теория этноса, разработанная под руководством Ю.В. Бромлея, была во многом обязана уже не столько исторической этнографии, сколько этносоциологии.

В социологической составляющей этнического феномена важное место занимает понятие нации. В ее характеристике и определении в социальных науках так же, как и с этносом, нет определенности и однозначности. С одной стороны, нация политизируется и признается исключительно как сообщество граждан одного государства (английское слово *nation*, наряду с нацией, обозначает и государство). С другой, напротив, этнизируется, то есть провозглашается одной из ипостасей или одним из типов этноса (вспомним типологическую триаду Бромлея: этнос – народность – нация). А по большому счету в нации нужно усматривать и то, и другое. Она и сообщество граждан государства, но она содержит в себе, если так можно выразиться, и «этнический синдром». В этой связи есть смысл напомнить, что в одной из моих прошлых работ я предложил назвать нацию «постэтносом», а племя «праэтносом» (Заринов 1997: 28). Две эти крайние исторические точки показывают, что в развитии человеческого общества существовал доэтнический и наступает постэтнический период¹⁰, который, правда, будет растянут во времени не так долго¹¹, как это было с первым¹². Тот и другой в исторической науке получили такие названия, как «доисторический» и «исторический».

Вся история человечества со времен появления государств, когда процесс этногенеза был в основном завершен, становится одновременно политической и этнической историей. Сотрудничали уже и воевали друг с другом не племена и союзы племен, а государства, жители которых имели свою этнокультурное самосознание и идентичность, выраженную в самоназваниях (эндоэтнонимы). Доминирующий этнос государства чаще всего давал название самому государству. Этот же этнос в индустриальных обществах постепенно трансформировался в буржуазную нацию, в которой этнического становилось все меньше и меньше. Именно такому этапу развития нации посвящены статьи В.А. Тишкова. Одна из них под названием «Забывать о нации (пост-националистическое понимание национализма)», опубликованная в 1998 г. в журнале «Вопросы философии», надела много шума и вызвала откровенный переполох в рядах отечественных специалистов в области обществоведения. Весь ее концепт автор выразил в самом ее начале, сообщив, что в ней пойдет «... речь о глобальной и долговременной мистификации вокруг терминов нация и национализм, которые, на мой взгляд, не являются научными и политически операциональными категориями» (Тишков 1998: 3).

Но, странная вещь, два года спустя в энциклопедии «Народы и религии мира» можно прочитать за подписью Тишкова следующее: «НАЦИЯ (лат. *natio*), термин, обозначающий совокупность граждан одного государства. Отсюда понятия: “национальная” экономика, законодательство, армия, интерес, символика и пр., а также англ. “international relations, treaties, security, law” и пр., которые обычно переводятся

на русский язык как “международные” или “межгосударственные” отношения, договоры, безопасность, право. Члены нации отличаются общегражданским самосознанием, чувством общих исторической судьбы и культурного наследия, многими общими элементами материальной и духовной культуры, а во многих случаях – и общностью языка. Понятие гражданской, или политической нации утвердилось в Европе в эпоху Французской революции XVIII в. (в средние века нациями назывались земляческие сообщества) как суверенное гражданское сообщество, противостоявшее феодальным, династическим и религиозным образованиям. В государствах Нового времени вместе с утверждением единого управления, рынка и массового образования распространялись культурно-языковое единообразие вместо локального своеобразия или наряду с ним, общие гражданские нормы и общая идентичность. Так возникли нации в Европе и в регионах переселенческих колоний в Америке, Австралии, Новой Зеландии. В Азии и Африке понятие нация было заимствовано из Европы, особенно в ходе деколонизации и образования современных государств в XX в.» (Тишков 2000: 892)¹³. Получается, что на дискуссионном поле высказываются новые, оригинальные мысли и соображения по поводу того или иного явления, но для академических справочных изданий даются его общепринятые формулировки.

Но, как бы то ни было, проблема нации и национализма в теории обществознания продолжает оставаться остро дискуссионной. И это несмотря на то, что библиография работ, посвященных этой проблематике весьма обширна. Анализ ее выходит за рамки данной работы. Стоит лишь сказать, что взгляды на нацию и все остальное, производные от нее – национализм, национальный вопрос, национальные процессы, национальные общности и т.д. и т.п., – имеют два основных направления, которые условно сосредоточены вокруг материалистической и идеалистической парадигм. При этом некогда классическое понимание национальной проблематики, основой которой была сталинская формулировка и ее различные интерпретации, принадлежащие советским обществоведам, ныне преданы, если не забвению, то находятся где-то на периферии теоретического дискурса. В его авангарде теперь находятся разработки западных специалистов, рассматривающих национальную проблематику, как в случае и с проблематикой этнической, в постмодернистском ключе.

Программной в этом отношении является книга профессора социальной антропологии Кембриджского университета Э. Геллнера «Нация и национализм» (Геллнер 1991). Главная ее идея состоит о том, что «национализм – это, прежде всего, политический принцип, суть которого состоит в том, что политическая и национальная единицы должны совпадать. Национализм как чувство или как движение проще всего объяснить, исходя из этого принципа. Националистическое чувство – это чувство негодования, вызванное нарушением этого принципа, или чувство удовлетворения, вызванное его осуществлением. Националистическое движение – это движение, вдохновленное чувством подобного рода» (Геллнер 1991: 7). Значит нация, по Геллнеру, это, прежде всего, политическая единица, состоящая из людей, разделяющих это чувство и являющихся сутью этого движения. Этнокультурная же составляющая такой нации подчинена или, точнее, поглощена политической (читай – государственной) стихией. Здесь невольно вспоминается несогласие И.В. Сталина с включением в определение нации пятым пунктом¹⁴ *государственной* составляющей (четырьмя другими, как известно, были общность языка, территории, экономической жизни и психического склада). Кстати, Геллнер не скрывал, что его концепция нации и

национализма, главным образом, направлена против марксистского понимания этой проблемы. Точно так же, как и западная концепция этничности позиционирует себя как принципиального противника советской теории этноса, в методологическом отношении также марксистской.

В идеальном же смысле феномен нации и национализма, как и этноса и этничности, должны содержать все составляющие социума, вплоть до религиозной. Это по возможности должно быть отражено и в определении этого феномена.

В последние два-три десятилетия этнический феномен стал пристальным объектом философии, и в отечественной научной практике это получило отражение в работах С.Е. Рыбакова: в статьях «К вопросу понятия этнос: философско-антропологический аспект» (Рыбаков 1998), и «О методологии исследования этнических феноменов» (Рыбаков 2000) и в монографии «Философия этноса» (Рыбаков 2001). Везде он недвусмысленно заявил о себе как о приверженце онтологического толкования этнического в социуме. Поиск им в основном ведется по пути нахождения этнической субстанции в философском аспекте. Он пытается втиснуть этническое, существующее якобы в человеке имманентно, в какую-либо определенную структуру – этнос, этническую группу, этническую общность и т.п. По его мнению, первична этничность, как некая примордиальная сущность, а этнос и его различные формы – вторичны. Но в этом случае мы попадаем в вечно замкнутый и порочный круг первичности и вторичности курицы и яйца.

На философскую трактовку этнического феномена претендует и книга Р.А. Данакари «Этническое бытие (опыт социально-философского и политического исследования)» (Данакари 2015). Правда, автор рассматривает эту проблему скорее в этносоциальном и этнополитическом, чем в теоретико-методологическом аспекте, параллельно останавливаясь «на специфике жизнедеятельности этнических меньшинств, в том числе и такого малого этноса, как удины, проживающего на исторической Родине – в Азербайджане, странах СНГ и мира, а также и на юге России» (Данакари 2015: аннотация на обороте титула).

Тем не менее, некоторые его суждения представляют определенный интерес для контекста данной статьи. К примеру, в статье говорится о важности этногенеза в понимании этнического в истории человечества. Автор в этой связи отмечает, что «... на протяжении долгого исторического времени, благодаря этнической сфере, произошло постепенное преобразование природного в социальное. Именно оно создало специфический адаптивный механизм, позволивший сформировать особое, человеческое сообщество, проявившее себя как часть природного и в то же время как основание и база социального. Этногенез занял промежуточное положение по своей биосоциальной сущности, положение между антропогенезом и социогенезом как направлениями общественной эволюции (Данакари 2015: 315).

Правильным, с моей точки зрения, является утверждение, что этнический феномен невозможно постичь в рамках одной науки. В статье по этому поводу он пишет, «... что проблема понимания природы и сущности этноса и нации как сложных феноменов не может находиться в плоскости какой-то отдельной науки, носить односторонний социальный или политический характер. Она возможна только в русле универсальной, философской методологии, так как касается исследования глубинных процессов, постижения базисных оснований природного и общественного в этносах и нациях, а также определения границ редукционизма в их научном познании.

Это различное понимание того, каким образом происходит объединение людей в социально-этнические общности, имеют ли они реальные основания в объективной действительности, какова их субстанциональная природа» (Данакари 2015: 216).

Переориентация отечественных этнографов/этнологов в послесоветское время в сторону западной теории этничности, о чем я в этой статье повторяю несколько раз, автор книги комментирует следующим образом: «... абсолютизация постмодернистских концепций привела к игнорированию базисной, философской составляющей этнической проблематики, методологической растерянности и теоретическому эклектизму, падению престижа фундаментальных, философских исследований в области этноса и этничности. Социальная практика современности и непрерывность, преемственность в развитии науки демонстрируют необходимость нового возвращения к более глубокой проработке теоретических и методологических проблем этноса и нации, что, естественно, является исключительно прерогативой философии» (Там же).

Подтверждает автор и мой взгляд и на двойственную природу нации. Он пишет, что «... дискуссии по вопросам природы и сущности этноса и нации, которые периодически возобновляются в современной науке, являются спорами не терминологического свойства, а свидетельствуют о достаточной серьезности и глубине характера проблемы. В отличие от западной этнологии, отрицающей совместимость двух концептов, мы считаем, что формирование идеи нации как согражданства и концепции этнической нации является объективным процессом. Соперничество этих двух концепций действительно имеет место, но идея нации как согражданства не является универсальной и общепризнанной в мире. В XX веке в результате общественного развития сформировались два типа нации, уже не в виде концептуальной, а социальной реальности. Они проходили разными путями в России и европейских странах, приобрели особое значение в наши дни» (Там же).

Наконец, нельзя не согласиться с таким посылом автором книги, что «... социально-философское исследование этнического бытия подтвердило значимость всех признаков этноса как субстанциональных и системообразующих элементов единой универсальной системы, где решающую роль играют и природно-биологические, и социокультурные, духовно-ментальные факторы. Одновременно выявлен механизм функционирования этнического бытия в процессе развития социальной системы. Установлено наличие достаточно сложной и противоречивой цепи взаимодействий между социальным и этническим, выявлены особенности доминирования каждого из них на различных этапах метаэволюционного и исторического процесса» (Данакари 2015: 318).

В чисто теоретическом плане философский аспект этнического может быть рассмотрен с помощью кантовской формулы познания, которую великий немец назвал *Dingansich*, по-русски «вещь в себе» (stadfiles.net). Исследуя этот феномен в качестве изучаемого явления, мы не должны упускать из вида, что существует и ноумен этнического, как вещи, существующей независимо от его познания нашим разумом. Иными словами, мы должны соотнести сущность этнического в категориях *a priori* и *a posteriori*.

A priori, то есть до опытно, этническое в человеческой социальности существует, но латентно и до определенного времени реально на практике никак не проявляется¹⁵.

A posteriori, то есть после опыта, этническое возникает в процессе этногенеза, когда реальное кровно-родственная парадигма человеческих отношений сменяется на парадигму, в которой центральное место занимают уже территориально-го-

сударственные отношения¹⁶. В исторической перспективе эти отношения настолько разнообразны, что исследователю их субстанциональность обнаружить весьма сложно¹⁷. Вот коротко, в чем состоит сущность этнического в философском аспекте. В этой связи, стоит вопрос о создании в рамках историософии, «... претендующей на целостное познание исторического процесса в свете раскрытия в нем первоначал бытия и метаисторического смысла» (Философский словарь 2007: 223), дисциплину под названием «этнософия», которая бы вскрывала сущность этнического процесса, его истоки и значение в жизни социума и его отдельных представителей. Р.А. Данакари понимает эту дисциплину как «философская этнология», которая, по его мнению, «... субстанциональна и метафизична, ориентирована на отражение в социально-философском и политическом познании объективно существующего и непрерывно пульсирующего и становящегося этнического бытия, включающего в себя всю гамму противоречий и парадоксов мира человека, его взаимодействие с природой и обществом» (Данакари 2015: 319).

Важной составляющей этнического феномена является эмоциональный фон, как на коллективном уровне, так и на индивидуальном (на практике они проявляют себя одновременно). Когда мы говорим о коллективной психологии, мы имеем в виду некоторый модус поведения определенной социальной группы – половозрастной, гендерной, профессиональной, субкультурной и иной. Но при этом представители каждой из этих групп принадлежат к тому или иному этнообразованию. Оно, как мы знаем, в различных взглядах на этнический феномен называются по-разному: этнос, суперэтнос, субэтнос, этническая группа, этническая общность и т.д., и т.п. И эта принадлежность выявляет в отдельном индивидууме осознание причастия его к нечто более значимому, чем принадлежность к любой другой группе. Это и есть то, что в этнологии называется «этнической идентичностью». Но этот феномен невозможен без той психической энергии, которая разлита среди всех членов этнической группы, ощущающих историческое и культурное единство, чаще всего на иррациональном уровне. Эта энергия и есть то, что в теории этноса именовалась «этническим самосознанием»¹⁸.

Известно, что всеми этими проблемами занимается смежная с этнографией/этнологией и социальной психологией научная дисциплина, именуемая этнопсихологией или этнической психологией, возникшая в конце XIX века, но до сих пор до конца не выработавшая абсолютно выверенных методов исследования. Но, несмотря на это, ее присутствие в объяснении этнического феномена имеет большое значение. Людям, работающим в Институте этнологии и антропологии РАН, давно памятна работа в нем Н.М. Лебедевой, занимавшейся практическими исследованиями в области этнопсихологии. Теперь в ранге доктора психологических наук она в 2016 году издала учебник по этой дисциплине, в котором так объясняет значение и цели этнопсихологии: «С начала 90-х годов XX века этническая психология в России переживала период бурного развития: реалии нашей жизни стимулировали многочисленные эмпирические исследования на пространстве бывшего СССР, основной целью которых явилось изучение трансформации этнической идентичности, динамики межэтнических отношений, проблемы этнических меньшинств, миграций и аккультурации и другие, прежде всего, социально-психологические проблемы. Наряду с этим профессиональные психологи в ведущих психологических центрах России ведут этнопсихологические исследования, которые обогащают и развивают не

только социальную психологию, но и общую психологию и психологию личности» (Лебедева 2016: 17).

Поскольку этнический феномен рождался, по моему мнению, параллельно и взаимобусловлено с процессом государствообразования, то его политическая составляющая несомненна. Государство, когда это надо ему, берет его на вооружение в борьбе с другими государствами в захватнических или оборонительных войнах, т.е. он является хорошим ресурсом в деле объединения народа в экстремальных условиях и всегда служит для претворения в жизнь национальной политики государства. Все это стало хорошей основой для развития такой научной дисциплины как «этнополитика».

Внимательный взгляд на этнический феномен уловит в нем, кроме всех прочих, и сакральную (религиозную) составляющую¹⁹. Думаю, что именно это качество этнического заставляет воспринимать его как некое особенное социальное явление, в других проявлениях социума заметное гораздо в меньшей степени или вообще отсутствующее. Наличие в этом качестве иррациональности во многом затрудняет научное постижение всего комплекса этнографических/этнологических исследований, особенно в предикатной форме. И тут опять мы замечаем, что внутренняя сакрализация народа его членов происходит от ассоциирования себя с чем-то родным, родственным и, следовательно, не похожим на другие народы. Отсюда происходит и сакрализация земли-пространства, на котором обитает народ, что было особенно свойственно этническим обществам с сильным традиционным наполнением (тогда земельное пространство и люди на нем живущие в некотором роде были синонимами). Отсюда происходит и почитание из поколения в поколение предков, олицетворяющих единство материальной и духовной культуры вместе с языком. Отсюда исходит и признание вожества в лице властвующих персон различного уровня – князья, цари (короли), императоры (пережиток вождя племен). Чувство родственной сопричастности всячески культивируется традиционными обычаями и обрядами и освящаются церковью²⁰. Эта сакрально-религиозная составляющая этнического феномена рождает чувство исключительности той или иной этнонациональной группы, что используется ее верхами и идеологически оформляется интеллектуальной ее частью.

Именно поэтому существует необходимость обратиться к теологии, которая как никакое другое знание имеет дело с категорией сакральности (святости). Каждое вероучение по-своему трактует то, что скрывается за словом «народ». Рамки статьи не позволяют развернуто осветить это вопрос. Но если коротко, то та или иная религия защищает народ или народы, образующие ее, оправдывая его (их) своеобразность и даже исключительность. Ярким примером этого суждения может служить иудаизм, во многом сохранивший, как считают и его адепты, и даже его противники, сам еврейский народ в его всей истории. Это можно отнести и к трем мировым религиям: христианству, исламу и буддизму.

Все сказанное выше, так или иначе, отражает *антропологическую* составляющую этнического феномена, ибо в остальной природе он полностью отсутствует. Отсутствует постольку, поскольку только в человечестве вообще и в человеке, в частности, в *полной мере* присутствует социальность, кардинально отличающаяся от социального поведения животных. Проблема эта требует особого и очень серьезного разговора. Но если коротко, то социальность человека, в отличие от социальности животного, если так можно выразится, культурна²¹. Именно из человеческой культуры, кроме все-

го прочего, вырос когда-то этнический феномен, в обыденном сознании предстающий бесспорным, а в науке остающийся до сих пор предметом жарких споров.

Антропологичность этнического феномена подчеркивает тот факт, что в рамках физической (биологической) антропологии существует такая дисциплина как этническая антропология, которая занимается изучением морфофизиологических особенностей различных этнических единиц, то есть связью культурных особенностей народа-этноса с популяцией. Эту связь после многих других исследователей обозначил Ю.В. Бромлей в своей статье «Этнос и эндогамия» (Бромлей 1969: 84–91), с которой, собственно, началась эпопея создания теории этноса. К настоящему времени эта некогда признаваемая в науке теория подверглась резкой критике, особенно со стороны западной концепции этничности. Более всего это коснулось наличия признания этой теорией биологической составляющей, хотя в отличие от широкогородского и гумилевского представления о природе этноса, где эта составляющая действительно занимала значительное место, у Бромлея основная роль отводилась историко-социокультурным реалиям социума. И предложенная им типологическая триада этноса – племя – народность – нация была призвана показать его эволюцию от родоплеменных отношений к государственным. Однако, как говорилось выше, первые были лишь истоком (лучше сказать утробой) этнического феномена, и сам этногенез, т.е. процесс его рождения, сам указывает на это. С течением времени этнический концепт социума все больше размывается концептом национальным. В настоящее время эта реальность более отчетливо проявляются в этнических меньшинствах государства²², и в самой незначительной степени в доминирующей культуре нации²³.

Резюмируя все сказанное в данной работе, следует акцентировать внимание на следующих моментах.

1. Этническое как социальный феномен по сравнению с другими социальными феноменами носит некий эксклюзивный характер, ибо включает в себя все другие составляющие социума. Именно поэтому его понимание и постижение предусматривает комплексный подход, включающий различные научные дисциплины.
2. В отечественной практике история²⁴ в изучении народов была долгое время главенствующей научной дисциплиной, несмотря на то, что этнография как наука обязана своим появлением географии. Именно история раскрывает этнокультурный путь любого народа, в котором мы можем обнаружить его начало, развитие и исчезновение. В истории народа складываются и развиваются все его культурное отличие от других народов и взаимодействие с ними. При этом вырабатывается свой культурный код любого народа, реальным проявлением которого является его материальная и духовная культура, традиционная по своей сущности, а также представление о своем едином происхождении во времени и пространстве.
3. Абсолютизация исторической составляющей, что имело место в классической этнографии, привело к сужению исследований социального аспекта в изучении народа-этноса. Именно этот недостаток заставил отечественных ученых обратиться к социологии, что и породило возникновение и бурное развитие этносоциологии, во многом сказавшегося на разработке теории этноса.

4. В определенное время появились ученые, старавшиеся объяснить народ с точки зрения философии, и в первом ряду среди отечественных специалистов стоит нынешний член совета федераций д.ф.н. С.Е. Рыбаков. Его перу принадлежит книга «Философия этноса», в которой он попытался объяснить философскую сущность народа-этноса. Однако все в этой книге крутится вокруг понятий «этнос» и «этничность» без какого-либо выхода за их пределы. Предложению совершить этот шаг посвящена данная статья.
5. Важной дисциплиной в постижении явления под названием «народ» является психология, в особенности социальная психология, хотя и психологию личности в объяснении феномена народа-этноса трудно обойти. Все, что касается таких понятий, как «этническое самосознание» и «этническая идентичность», так или иначе, находится в психологическом поле. Именно этот фактор привел к появлению и развитию такой смежной с этнографией дисциплины, как этнопсихология.
6. Появление самого этнического феномена во многом связано с созданием государства, стало быть, политическая составляющая в народе-этносе играет одну из решающих для его существования и развития ролей. По сути дела политический фактор является постоянным спутником этнического наполнения в социуме, поэтому именно такая дисциплина как этнополитика заняла одно ведущих мест в последние полвека. Этнополитические исследования в этот период стали заметно превалировать и среди зарубежных, и среди отечественных специалистов. Скорее всего, это связано с таким явлением, как ревитализация этнического фактора в жизни современного общества.
7. Важным дискурсом в понятии «народ-этнос» является его сакрализация²⁵. И связана она во многом с восприятием его представителями некоей близости, какой-то родственности друг другу. Это чувство во многом основано на сакрализации предков и территории совместного проживания. И проявляется оно не столько на рациональном, сколько на иррациональном уровне. И не абстрактно, а в зависимости от образа жизни, традиционной культуры, языка и, конечно, на представлении об общности исторического происхождения. А это значит, что сакрализация народа есть некая незримая связь с родоплеменностью, о чем мне приходилось часто повторять в моих предыдущих теоретических работах. Отсюда вытекает и сакрализация власти, как некоей формы почитания и подчинения воли сильного. Все это, так или иначе, становилось уделом религии вообще и церкви, в частности. Различные ее воплощения в истории человечества были призваны оправдать не только неповторимость того или иного народа, но и его исключительность. Вот почему религии и их отдельные конфессиональные формы являются важной частью этнографических исследований.
8. Все вышеперечисленные составляющие народа-этноса синтезированы в его антропологической сущности, так как этнический феномен является достоянием только человеческого общества. Вне его – подразделений, похожих на народы-этносы, не существует, поскольку только человек вмещает в себя такое явление, как культура, а она и есть базис для этнического феномена. Однако, признавая его антропологичность, следует сказать, что его абсолютизация в ущерб другим научным дисциплинам, также непродуктивна, чем, по-моему, страдает наука под названием «социально-культурная антропология».

Давая общую характеристику этнографической науки с ее другими двумя ипостасями – этнологией и социально-культурной антропологией – следует сказать следующее. Ее тройственность в названии говорит о том, что ее предмет дифференцирован во времени и пространстве. Наиболее полно эта дифференциация проявилась в отечественной практике. В советский период этнография преимущественно исследовала конкретные этнические культуры. То есть решала в основном практические задачи (полевые исследования) с минимальным выходом на собственную теорию и методологию. Вторая половина XX века ознаменовалась заметным смещением в сторону социологии. И результатом этого нового пути стала разработка группой ученых Институтом этнографии АН СССР во главе с Ю.В. Бромлеем теории этноса. Именно в это время наметилась тенденция перехода от этнографии к этнологии. Эта тенденция повлекла за собой не только изменение названия науки, но и изменила несколько ее направленность. При заметном сохранении историко-культурного дискурса, ее интерес все более сосредотачивался вокруг социологии и политологии. Именно в это время начинается сближение отечественной этнографии/этнологии с зарубежными учеными, позиционирующие себя как социальные (в Великобритании) и культурные (в США) антропологи. Оба эти направления постепенно объединились в социально-культурную антропологию. С исчезновением в отечественной этнографии/этнологии принципов, построенных на марксистско-ленинской идеологии, она уже в постсоветское время в теоретико-методологическом смысле почти полностью перешла на позиции западной социально-культурной антропологии, сохранив, к счастью, накопленный за долгие годы интерес к традиционной этнографии (полевые исследования среди различных народов-этносов мира).

В этой связи встает вопрос: что же в окончательном остатке является основным предметом этнографии/этнологии/социально-культурной антропологии? Данная работа – очередная попытка ответить на этот вопрос. В этой трехголовой науке в сложном синтетическом единстве переплетены многие общественные науки, в частности – история, лингвистика, социология, философия, психология, политология, антропология, и даже теология. Этим своим качеством она похожа на научную дисциплину под названием «культурология», обязанную своим возникновением как отдельной научной дисциплины американскому антропологу неэволюционисту Лесли Алвину Уайту.

Завершая работу, следует еще раз задать вопрос: что же все-таки такое этническое в социуме – феномен, который до сих пор представляет собой проблему, исследованию которой посвящено множество страниц в книгах, монографиях, статьях и других печатных формах? Исходя из написанного выше, самым рабочим вариантом в определении этого феномена может быть следующий: этнический феномен или собственно этническое в жизни людей есть *многофакторное историко-культурное бытие социума и его представителей в определенных исторических рамках*. Их начало – это конец этногенеза, их конец кроется в процессе деэтнизации нации.

Примечания

¹ См. об этом: Чешко 2016: 6–24.

² Я также использую этот термин, замечая при этом, что это не точный перевод на русский язык английского «ethnicity». В английском этот термин обозначает некий социально-культурный ориентир индивида, наряду с другими его социальными предпочтениями. И выражает он определенную личностную культурную идентичность. Для меня же «этничность» – это исто-

рико-культурное качество человека, принадлежащего к общности, коей является народ (его научный эквивалент – *этнос*). Именно поэтому для меня «этничность» ближе всего в русской терминологии соответствует слову «народность», о чем я уже писал ранее в статье «Социум – этнос – этничность – нация – национализм» (Заринов 2002: 3–31).

³ Собственно, этим пафосом наполнена вся книга В.А. Тишкова «Реквием по этносу. Исследования по социально-культурной антропологии». В ней ее автор выступает против теории этноса, отмечая заодно и само понятие, обозначаемое термином “этнос”.

⁴ См.: Заринов И.Ю., 1997.

⁵ А в обыденной жизни кажется нет ничего проще. Спросите любого человека, что такое народ? И он ответит, что это он, его мать, отец, его дети. Это все, кто говорит на том языке, на котором говорит он. Это все, кто его считает представителем того народа, к которому он себя причисляет.

⁶ Любопытным является тот факт, что, прочитав эту мою статью еще до опубликования, В.А. Тишков в целях оппонирования моим взглядам на природу этнического отдал в тот же номер означенного журнала, свою статью «О феномене этничности», которая была напечатана впереди моей статьи. С тех пор мы стоим на разных сторонах баррикады в понимании этнического феномена. Хотя справедливости ради надо сказать, что в последнее время наши взгляды на эту проблему во многом сблизилась.

⁷ Последнее и стало основным содержанием концепции этничности. Не этническая общность, а этнический человек встали во главу ее угла.

⁸ Таких, например, что в основе европейской культуры лежит древнейшее из древнейших племя «укров».

⁹ Этим, видимо, объясняется определенная сакральность этнического феномена.

¹⁰ Можно предположить, что народы постепенно растворятся в нациях, чему будет способствовать интенсификация миграционных процессов и вызванная ими диаспоральная глобализация.

¹¹ Он начался с возникновением национальных государств, в которых этническое содержание социума постепенно замещается национальным.

¹² Этот период длился не одну тысячу лет.

¹³ Заметим, что это определение недалеко ушло от сталинского, которое некоторые исследователи стараются сдать в утиль, как, впрочем, и самого его автора. А между тем, творческое наследие Сталина вряд ли следует игнорировать. В нем можно найти немало здравого.

¹⁴ Здесь чудесным образом эта пятая составляющая при определении нации, против которой выступил Сталин, совпала с номером пункта о национальности в советских анкетах личности.

¹⁵ Здесь рассматриваемое нами явление не феномен, а ноумен.

¹⁶ Мне представляется, что само понятие «социум» применимо, начиная с момента возникновения этнического общества.

¹⁷ Вспомним в этой связи уже приводимую мысль С.В. Чешко: этническое «... может «проявляться повсюду, влияя на любые сферы жизни и деятельности человека, и в то же время его нигде нет».

¹⁸ В одной из моих статей я уже писал, что в отечественной этнографии/этнологии доминирование исследований шло в такой последовательности: историческая этнография – этносоциология – этнополитика.

¹⁹ Не будем забывать, что религия является важной стороной этнографических исследований.

²⁰ Конечно в буржуазном обществе, в котором сильны уже атеистические тенденции, идущие параллельно с деэтнизацией, сакральность этнического феномена становится все меньше и меньше, в конечном счете приближаясь к нулю.

²¹ Как бы не было высоко организовано животное в социальном смысле, у него отсутствует культура в самом широком смысле этого слова.

²² Некоторые государства заявляют о своей моноэтничности, но это скорее желание, выдаваемое за действительность, которое преследует сугубо политические интересы.

²³ Этому сюжету посвящено немало страниц в моей монографии «Поляки в диаспоре (сравнительная характеристика этнической истории польских диаспор в России, США и Бразилии)».

²⁴ Западная традиция в изучении этничности, о чем говорилось выше, но здесь стоит повторить еще раз, исторический контекст или вовсе игнорирует, или признает за ним вспомогательное значение, отдавая дань в этом вопросе социологии и культурологии.

²⁵ В этой связи немаловажным источником для понимания народа-этноса и самого этнического феномена является теология.

Литература

- Арутюнов – Арутюнов С.А.* Этничность – объективная реальность. URL: lektsii.org.
- Бромлей 1973 – Бромлей Ю.В.* Этнос и этнография. М.: Наука, 1973.
- Бромлей 1969 – Бромлей Ю.В.* Этнос и эндогамия // Советская этнография, 1969. № 6. С. 84–91.
- Гелнер 1991 – Гелнер Э.* Нация и национализм. М.: Наука, 1991.
- Заринов 1999 – Заринов И.Ю.* Время искать общий язык. Проблема интеграции этнических теорий и концепций // Этнографическое обозрение, 1999. № 2. С. 3–18.
- Заринов 2010 – Заринов И.Ю.* Поляки в диаспоре (Сравнительная характеристика этнической истории польских диаспор в России, США и Бразилии). М.: Наука, 2010.
- Заринов 1997 – Заринов И.Ю.* Исторические рамки феномена этничности (по поводу статьи С.В. Чешко «Человек и этничность») // Этнографическое обозрение, 1997. № 3. С. 21–31.
- Заринов 2002 – Заринов И.Ю.* Социум – этнос – этничность – нация – национализм // Этнографическое обозрение, 2002. № 1. С. 3–29.
- Кант – Кант И.* Априорные и апостериорные суждения // Русская историческая библиотека. URL: rusist.com.
- Поршнев 1972 – Поршнев Б.Ф.* О начале человеческой истории (Проблемы палеопсихологии). М.: Наука, 1972.
- Рыбаков 2000 – Рыбаков С.Е.* О методологии исследования этнических феноменов // Этнографическое обозрение, 2000. № 5. С. 12–21.
- Рыбаков 1998 – Рыбаков С.Е.* К вопросу о понятии «этнос»: философско-антропологический аспект // Этнографическое обозрение, 1998. № 6. С. 3–15.
- Рыбаков 2001 – Рыбаков С.Е.* Философия этноса. М., 2001.
- Скворцов 1996 – Скворцов И.Г.* Проблема этничности в социальной антропологии. СПб., 1996. 15.
- Сталин 2006 – Сталин И.В.* / Сочинения. М., Тверь, 2006. Т. 2.
- Тишков 1997 – Тишков В.А.* О феномене этничности // Этнографическое обозрение, 1997. № 3. С. 3–21.
- Тишков – Тишков В.А.* Этничность как форма социальной организации. URL: <http://www.valerytishkov.ru/cntnt/publikacii3/lekcii2/lekcii/etnichnost.html>.
- Тишков 1998 – Тишков В.А.* Забыть о нации (пост-националистическое понимание национализма) // Вопросы философии, 1998. № 9.
- Философский словарь / Под. ред. И.Т. Фролова. М.: Политиздат, 1986.
- Философия И. Канта – *Философия И. Канта*: «вещь в себе», категорический императив. URL: stadfiles.net.
- Чешко 1994 – Чешко С.В.* Человек и этничность // Этнографическое обозрение, 1994. № 6. С. 35–49.
- Чешко 2016 – Чешко С.В.* О творческом наследии Ю.В. Бромлея // Вестник антропологии. Новая серия, 2016. № 2 (34). С. 6–24.

References

- Arutyunov S.A.* Ehtnichnost' – ob'ektivnaya real'nost'. URL: lektsii.org.
- Bromlej Yu. V.* Ehtnos i ehtnografiya. M.: Nauka, 1973.
- Bromlej Yu. V.* Ehtnos i ehndogamiya. Sovetskaya ehtnografiya, 1969. No. 6. Pp. 84–91.
- Gelner Eh.* Naciya i nacionalizm. M.: Nauka, 1991.
- Zarinov I.Yu.* Vremya iskat' obshchij yazyk. Problema integracii ehtnicheskikh teorij i koncepcij. Ehtnograficheskoe obozrenie, 1999. No. 2. Pp. 3–18.

- Zarinov I.Yu. Polyaki v diaspore (Srvnritel'naya harakteristika ehtnicheskoj istorii pol'skih diaspor v Rossii, SSHA i Brazilii). M.: Nauka, 2010.
- Zarinov I.Yu. Istoricheskie ramki fenomena ehtnichnosti (po povodu stat'i S.V. Cheshko «Chelovek i ehtnichnost'»). Ehtnograficheskoe obozrenie, 1997. No. 3. Pp. 21–31.
- Zarinov I.Yu. Socium – ehtnos – ehtnichnost' – naciya – nacionalizm. Ehtnograficheskoe obozrenie, 2002. No. 1. Pp. 3–29.
- Kant I. Apriornye i aposteriornye suzhdeniya. Russkaya istoricheskaya biblioteka. URL: rusist.com.
- Porshnev B.F. O nachale chelovecheskoj istorii (Problemy paleopsihologii). M.: Nauka, 1972.
- Rybakov S.E. O metodologii issledovaniya ehtnicheskikh fenomenov. Ehtnograficheskoe obozrenie, 2000. No. 5. Pp.12–21.
- Rybakov S.E. K voprosu o ponyatii «ehtnos»: filosofsko-antropologicheskij aspekt. Ehtnograficheskoe obozrenie, 1998. No. 6. Pp. 3–15;
- Rybakov S.E. Filosofiya ehtnosa. M., 2001.
- Skvorcov I.G. Problema ehtnichnosti v social'noj antropologii. SPb., 1996. Pp. 15.
- Stalin I.V. Sochineniya. Moscow, Tver, 2006. Vol. 2.
- Tishkov V.A. O fenomene ehtnichnosti. Ehtnograficheskoe obozrenie, 1997. No. 3. Pp. 3–21.
- Tishkov V.A. Ehtnichnost' kak forma social'noj organizacii. URL: <http://www.valerytishkov.ru/content/publikacii3/lekcii2/lekcii/etnichnost.html>.
- Tishkov V.A. Zabyt' o nacii (post-nacionalisticheskoe ponimanie nacionalizma). Voprosy filosofii, 1998. No. 9.
- Filosofskij slovar'. I.T. Frolova (ed.). Moscow: Politizdat, 1986.
- Filosofiya I. Kanta: «veshch' v sebe», kategoricheskij imperativ (stadfiles.net).
- Cheshko S.V. Chelovek i ehtnichnost'. Ehtnograficheskoe obozrenie, 1994. No. 6. Pp. 35–49.
- Cheshko S.V. O tvorcheskom nasledii Yu.V. Bromleya. Vestnik antropologii. Novaya seriya, 2016. No. 2 (34). Pp.6–24.

I.Yu. Zarinov. Once again about the subject of ethnography/ethnology/socio-cultural anthropology.

The article once again explores the problems of science, which throughout its history has changed not only the name, but also the theoretical and methodological basis. Its subject and the phenomenology of its research are still in the center of discussions of various schools and trends.

Key words: *ethnic, ethnos, ethnicity, diaspora, society, culture, history, philosophy, sociology, psychology, theology, politics, ethnosophy.*